

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234
УДК 94(410)

К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала “Punch” (1878–1879)

Наталья Владимировна ДРОНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1342-5190>, e-mail: dronova_n@mail.ru

On the political technology of Victorian England: the concept of “jingo” in the publishing practice of “Punch” magazine (1878–1879)

Nataliya V. DRONOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1342-5190>, e-mail: dronova_n@mail.ru

Аннотация. Исследованы логика и приемы использования в издательской практике журнала “Punch” концепта «джинго» в качестве инструмента политических технологий, ориентированных на формирование общественного мнения по ключевым вопросам внешней политики и электорального поведения в Великобритании в 1878–1879 гг. Актуальность анализируемой проблемы обусловлена важностью всестороннего осмысления феномена джингоизма, как одного из значимых проявлений политической истории и культуры викторианской Англии. В исследовании применен кросс-дисциплинарный подход, предполагающий политологически и лингвистически опосредованный анализ понятия «джинго» (“jingo”) в контексте политических и идеологических реалий британской истории периода Восточного кризиса 70-х гг. XIX века. На конкретных примерах показано, что особенности жанра журнала, его популярность, учет культурного запроса его аудитории определяли выбор языковых средств, стилистику подачи материала и выбор образов. Обосновано, что применявшиеся в публикациях “Punch” приемы были ориентированы на поддержание позитивного имиджа либералов и дискредитацию их оппонентов как на персональном уровне, так и партийном. Сделан вывод о том, что концепт «джинго» в пропагандистской кампании журнала “Punch” обрел смысл пропагандистского клише, выполнявшего функции средства политической идентификации, социальной и политической рекламы и антирекламы, служил инструментом манипулирования общественным мнением. Настоящее исследование может послужить материалом для ряда дальнейших исследований в изучении политической культуры Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания; джинго; джингоизм; “Punch”; политические технологии

Для цитирования: Дронова Н.В. К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала “Punch” (1878–1879) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 190. С. 223–234. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234

Abstract. We explore the logic and techniques of using the concept of “jingo” in the publishing practice of “Punch” magazine as a tool of political technologies aimed at shaping public opinion on key issues of foreign policy and electoral behavior in Britain in 1878–1879. The urgency of the problem being analyzed is due to the importance of a comprehensive understanding of the phenomenon of jingoism as one of the significant manifestations of the political history and culture of Victorian England. The study adopted a cross-disciplinary approach, which involves politically

and linguistically indirect analysis of the concept of “jingo” in the context of the political and ideological realities of British history during the Eastern crisis of the 1870s of the 19th century. Specific examples show that the peculiarities of the genre of the magazine, its popularity, consideration of the cultural request of its audience determined the choice of language means, the style of presentation of the material and the choice of images. It is justified that the methods used in the texts of *Punch* were aimed at maintaining a positive image of the liberals and discrediting opponents both at the personal level and the party. It is concluded that the concept of “jingo” in the propaganda campaign of “*Punch*” has taken meaning propaganda clichés, which acted as a means of political identification, social and political advertising and anti-advertising, served as a tool to manipulate public opinion. This study may provide material for a number of further studies in the study of British political culture.

Keywords: Great Britain; jingo; jingoism; “*Punch*”; political technologies

For citation: Dronova N.V. K voprosu o politicheskikh tekhnologiyakh viktorskoy Anglii: kontsept «dzhing» v izdatel'skoy praktike zhurnala “*Punch*” (1878–1879) [On the political technology of Victorian England: the concept of “jingo” in the publishing practice of “*Punch*” magazine (1878–1879)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 190, pp. 223-234. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234 (In Russian, Abstr. in Engl.)

К настоящему времени под джингоизмом в общеупотребительном смысле принято понимать шовинизм в его крайних проявлениях¹. Будучи изначально продуктом британской политической культуры, трансформируясь с течением времени, джингоизм оказал влияние на разные сферы общественного бытия не только этой страны.

Вместе с тем его нельзя отнести к разряду достаточно изученных, в том числе и применительно к представляющему интерес для целей настоящего исследования раннему этапу истории джингоизма. Отечественная историография вопроса представлена скромно [1; 2]. В британской и американской исторической науке специальные исследования джингоизма, в которых он, с разной степенью углубления в предмет, рассматривался бы не подчиненно решению иных задач изучения Восточного кризиса 70-х гг. XIX века, немногочисленны. Выделим опубликованную в 1971 г. статью профессора Кентского университета Х. Каннингама (Hugh Cunningham), которая являлась первой и, к настоящему времени, остается единственной работой, представляющей джингоизм 1877–1878 гг. как политический и идеологический феномен британской истории [3]. В 2014 г. профессором Мэрилендского университета Э. Кингом (Elliot King) были опубликованы результаты исследования эволюции понятий «джинго» и «джингоизм» в политической лексике Вели-

кобритании в 1878–1880 гг. на кросс-дисциплинарной основе [4]. Мы полагаем, что в продолжение работы, проведенной Э. Кингом, уместно дополнительно поставить ряд исследовательских задач в данном проблемном поле. Целью настоящего исследования является оценка логики и приемов использования концепта «джинго» в качестве инструмента политических технологий, ориентированных на формирование общественного мнения в связи с дискуссиями по внешнеполитическим проблемам и влияние на электоральный процесс в Великобритании в 1878–1879 гг.

Источниковую базу нашего исследования составили материалы журнала “*The Punch or London Charivari*” – популярного еженедельного сатирического издания, освещавшего характерными для данного жанра средствами широкий круг злободневных, временами скандальных, тем публичной жизни Великобритании. В политическом отношении он придерживался гладстонианских позиций. Нами проанализированы комплекты номеров “*Punch*” за 1878–1880 гг. – период, в течение которого слово «джинго» и производные от него с разной степенью интенсивности присутствовали в политической лексиконе Великобритании. Нами выявлено общее совпадение частотности и характера эволюции смыслового наполнения слов «джинго» и «джингоизм» в публикациях “*Punch*” с результатом контент-анализа британских и отчасти канадских газет, составивших базу данных исследования Э. Кинга

¹ Jingoism. Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/jingoism/> (accessed: 25.04.2020).

[4, с. 306-308]. Мы оставляем процедуры этих сопоставлений за границами настоящего текста ввиду иной постановки аналитической задачи, но апеллируем к данной закономерности как к возможности более точно, с учетом общей динамики событийного контекста, оценить мотивы, содержание, адресность и формы публикаций “Punch” как участника политического процесса.

Восклицание “By Jingo!” относится к жаргонным выражениям, которое до 1877 г. в Британии употреблялось в смысле «Богом клянусь!» или «ей-Богу!», или даже «черт возьми!» и, хотя не относилось к высокому литературному стилю, не было отмечено и особыми негативными коннотациями. Слово «джинго» обогатило инструментарий политической риторики Англии в мае 1877 г. [5, р. 114], когда в лондонском мюзик-холле была исполнена песня воинственного содержания, написанная Дж. Хантом на злобу дня – в связи с развернувшимися на Балканах военными действиями между Российской и Османской империями. Каждый из четырех куплетов песни сопровождался рефреном, исполнявшимся хором: «/ Мы не хотим воевать, но, ей-богу, если так случится, / То у нас найдутся корабли, найдутся люди, найдутся также и деньги / Нам с медведем (русским. – *Н. Д.*) воевать не впервой, и пока мы истинные британцы / Русским не бывать в Константинополе». – “/ We don’t want to fight but by Jingo if we do / We’ve got the ships, we’ve got the men, we’ve got the money too / We’ve fought the Bear before, and while we’re Britons true / The Russians shall not have Constantinople”². Изначально ее именовали «Великая песня войны» – “Great War Song”³. Но по содержащейся в первой строке припева фразе ее чаще стали называть «Мы не хотим воевать» или проще – «Песней Джинго». Также ее иногда именовали «Псы войны» – по первым словам самой песни. Исполнена она была популярным актером-комиком Дж. Фарреллом, более известным как Г. Макдермотт, или Великий Макдермотт. Песня была встречена со скепсисом со стороны respectable общества, но оказа-

лась привлекательной для маргинальной аудитории мюзик-холлов [6, р. 70-71], которой все едино – «нападать ли на пороки аристократии или ругать Россию». Песня Г. Макдермотта с ее напыщенной риторикой и энергичным ритмом, проникнутая «идеями кровожадности, мести и грандиозного по тупости превосходства», быстро стала достоянием уличной толпы, сопровождала публичные акции, в том числе и погромного характера вроде битвы стекол в доме У. Гладстона. События, сопряженные с «Песней Джинго», имели политический резонанс, в том числе и в Европе [7, р. 29; 8, р. 168-169].

Исследователями отмечается, что термины «джингоист» и «джингоизм» прочно ассоциировались с агрессивной внешней политикой британского правительства в период русско-турецкой войны 1878–1878 гг. и ее поборниками [3, р. 430; 9, р. 70-72]. Э. Кинг констатирует, что вначале слово «джинго» применялось в газетных публикациях для характеристики участников массовых мероприятий, «распевавших песню о Джинго» – сторонников консервативной партии, по большей части из числа рабочих, требовавших от правительства вмешательства Великобритании в решение Восточного вопроса. Постепенно термины «джинго» и производный от него «джингоизм» стали использоваться в прессе либеральной направленности как более широкая характеристика особого духовного настроения, равно распространявшегося и на определение существа интервенционистской политики, и на поддерживавших ее людей. В этом смысле они применялись на протяжении всего 1878 г., постепенно сойдя на нет в начале 1880 г. [4, р. 309-310].

Нами выделены три принципиальные темы, применительно к которым в публикациях “Punch” использовалась лексема «джинго». Первая – проблемы внешней политики. Вторая, в значительной части примыкающая к ней, состояла в определении курса политики имперской. Третья касалась избирательных кампаний – в мае 1878 г. состоялись дополнительные выборы в парламент в ряде округов, а в марте–апреле 1880 г. – всеобщие. Все сферы были тесно связаны между собой: определение собственной позиции и критика оппонента во всех случаях были средствами достижения политической цели. Рассмотрим это на конкретных примерах.

² Macdermott’s War Song. URL: <http://www.cyber-russr.com/hcunn/q-jingo.html> (accessed: 12.08.2020).

³ The Era. 27 May. 1877. P. 6. The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000053/18770527/021/0006> (accessed: 24.07.2020).

В апреле 1878 г. – в острый период развития Восточного кризиса – “Punch” поместил в привычной для издания манере версию изложения парламентских дебатов в связи с этой проблемой. Термин «джинго» употреблялся в ироничном по тональности материале несколько раз. Происходившие в парламенте дебаты были поименованы словами «мудрецов и джинго»: с одной стороны, проявлением «коллективного разума», с другой – знаком отсутствия оно; первые – сторонники мира, вторые – войны. Далее круг политиков, излагавших свои позиции, был персонализирован. Главным критерием сделанных политических заявлений как раз и выступало одобрение или отторжение их со стороны «джинго». Так, лорд Карнарвон (в тот период глава колониального ведомства в правительстве консерваторов, занимавший особую позицию. – *Н. Д.*) произнес слова, исполненные «мудрости и сдержанности», столь ненавистные для ушей джинго»; «минорный тон» Биконсфильда (Б. Дизраэли, с 1876 г. графа Биконсфильда – премьер-министра Великобритании. – *Н. Д.*) был, без всякого сомнения, «рассчитан на вкусы джинго»; «мистер Годней, полковник Барни и сэра Х.Д. Уолфа (члены палаты общин. – *Н. Д.*) – как Церберы – «три джентльмена как один – подали голос в пользу джинго»⁴. То есть в данном контексте под термином «джинго» подразумевались сторонники из числа «партии войны»; служил же он в качестве характеристики стратегической и тактической позиции самих парламентариев и их дефиниции по принципу «свой–чужой».

Использование таких лингвистических конструкций делало их инструментом политической агитации. Использование в материалах “Punch” лексемы «джинго» и ее производных в негативной по смыслу и эмоциональному наполнению коннотации придавало отрицательную окраску любой сообщаемой информации в отношении отдельного персонажа или общественного явления. Констатация же отличий от «джинго» тоже в любом контексте заведомо служила речительством добропорядочности в политическом, идеологическом и моральном смыслах. Поэтому в публикациях “Punch” широко практиковалось употребление слова «джинго»

⁴ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 171.

как эпитета, который избавлял от дополнительных пояснений: «джингоистские журналы» – “Jingo journals”⁵; «джингоистские газеты» – “Jingo papers”⁶; «Журналисты, поддерживавшие джингоистов» – “Jingo journalists”⁷; «Британия, рожденная Джинго» – “Britannia, Jingo-born”⁸; «...чисто джингоистским конгресс (Берлинский. – *Н. Д.*) быть не может» – “...Congress may not be pure Jingo”⁹; «парламентские оракулы Джинго» – “Parliamentary oracles of Jingo”¹⁰. Для характеристики идеологического противника слово «джинго» имело смысл негативного маркера; в случае со сторонником подчеркнуть его «антиджингоизм» становилось позитивной рекомендацией. Так, например, место встречи политических оппонентов именовалось «Джинголенд», подчеркивая «варварский» характер действия и его участников¹¹. Но в случае с единомышленником – кандидатом, участвовавшим в дополнительных выборах в парламент, Дж. Палмером, слово «джинго» было употреблено в противоположном оценочном контексте. Он был представлен как «Палмер, квакер, либерал, *анти-джингоист* (курсив мой. – *Н. Д.*), выдающийся провинциальный кондитер»¹².

Рассмотрим еще один показательный эпизод. В конце января 1879 г., то есть с началом кампании по выдвижению кандидатов на парламентские выборы, “Punch” опубликовал «Экзаменационный лист для кандидатов в члены парламента»¹³. В нем были сформулированы в шуточной манере совсем нешуточные вопросы о разных сторонах предвыборной кампании, процедурных аспектах функционирования парламента, ключевых проблемах общественной жизни, постановку которых можно было ожидать в политических платформах кандидатов. Всего таких вопросов было 19. Термин «джинго» появился в этом «вопроснике» на четвертой позиции и первым из числа вопросов, отно-

⁵ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 76.

⁶ Ibid. P. 233.

⁷ Ibid. P. 174.

⁸ Ibid. P. 246.

⁹ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 282.

¹⁰ Ibid. P. 172.

¹¹ Ibid. P. 198.

¹² Ibid. P. 229.

¹³ Punch, or the London Charivari. 1879. Vol. LXXVI. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1879. P. 35-36.

сившихся к возможным политическим программам. Выбор потенциальные кандидаты должны были сделать из вариантов: «либерал и анти-Джинго», «истинный Джинго и империалист» и «нейтральный и надежный». Изложить «в двух словах» представления о британской политике предлагалось, соответственно, с точки зрения «достопочтенного мистера У.Э. Гладстона», «достопочтенного лорда Биконсфильда» и «от самого себя». Если учесть, что «от себя», то есть вне партийных списков, в парламент было попасть затруднительно, то есть основание считать дефиницию «джинго» и «анти-джинго» принципиальной маркировкой пропагандистских концептов избирательной кампании либералов и консерваторов. Следовательно, термин «джинго» употреблялся в данном контексте как узнававшийся политический ярлык, а его использование можно отнести к категории избирательных технологий.

В 1878–1879 гг. в британской прессе широко использовался прием, который открывал большие возможности для решения разных агитационных задач – использование текста припева песенки о Джинго как клише. Им было удобно пользоваться: помещаясь вместо комментария, фраза сама по себе становилась смысловой единицей. Крылатые слова из «Песни Джинго» нередко перефразировались, что придавало им любой желаемый смысл. Подобным образом поступал и “Punch”. Такова, например, публикация от 23 февраля 1878 г. Необходимо уточнить, что на это время пришелся пик политического и дипломатического кризиса в связи с войной на Балканах. Несколько днями ранее – 18 февраля – был подписан Сан-Стефанский договор. Возможное вступление Великобритании в войну было более чем реально. “Punch” поддерживал либеральную позицию нейтралитета. Текст пародии был краток. Он гласил: «/ Мы не хотим идти на войну, но если ради Джинго мы сделаем это, / Мы можем потерять наши корабли, потерять наших людей, и, что хуже всего, потерять деньги тоже». – “/ We don’t want to go to war; for, by jingo, if we do, / We may lose our ships, and lose our men, and, what’s worse, our money too”¹⁴. 9 марта позиция поддерживавших кабинет Биконсфильда газет была сформули-

рована “Punch” в виде двух лозунгов: «Правь, Британия!» и «Мы не хотим воевать, но “by Jingo” если так случится...»¹⁵. 13 апреля в «изложение» “Punch” парламентских дебатов в связи с обсуждением бюджета был введен «хор из страны»: «Мы не хотим платить, но если, о Боже, мы сделаем это, мы получим людей, мы получим билли и они также (позволят. – *Н. Д.*) спустить деньги» – “/ We don’t want to pay – but by Jingo if we do, / We’ve got the men, we’ve got the bills, and they’ve spent the money too”¹⁶.

Близкий прием был применен “Punch” в заметке «Пропажи на Марсовом поле»¹⁷. В нем в ироничной манере шла речь о «необъяснимым образом пропавших из официального каталога Парижской выставки» (Всемирной выставки, открывшейся в Париже 1 мая 1878 г. – *Н. Д.*) экспонатов. Курьезные «исчезновения» были обнаружены в русской, австрийской, французской, германской и британской секциях. Для целей настоящего исследования имеют значение две последние. Пропажа в германской экспозиции – «переложение на немецкий язык “Мы не хотим воевать” с прусскими вариациями» – “We Don’t Want to Fight” with Prussian variations”. В британской недосчитались «величайшей диковинки выставки» – «Джинго, который “хочет воевать” – “does want to fight”... собственной персоной». Стоит добавить, что в самом заголовке обыгрывалось «Марсово поле» – место, где располагались экспозиционные площадки выставки. Но при таком названии в тексте явно просматривался намек на идею войны, которую воплощал античный бог Марс, что позволяло усилить милитаристские ноты песни Джинго. Удачная находка сатирического образа – новостей с всемирной парижской выставки – в дальнейшем продолжала эксплуатироваться. 25 мая 1878 г. “Punch” поведал об экспонатах, «подлежащих в ближайшее время включению в экспозицию. Среди них значилось собственноручное письмо российского императора (без уточнения адресата. – *Н. Д.*), в котором «дается монаршее слово сделать все возможное для сохранения мира вопреки провокациям джингоистов и приспешников Дизра-

¹⁴ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 81.

¹⁵ Ibid. P. 108.

¹⁶ Ibid. P. 160.

¹⁷ Ibid. P. 216.

эли»¹⁸. Фраза была выстроена так, что не было ясно: сам ли царь говорит о провокаторах-зло-умышленниках, или это комментарий журнала. При любом ответе на этот вопрос «ушат грязь» получал премьер-министр консервативного правительства. Упоминание его как покровителя и вдохновителя джингоистов делало сатирический пассаж инструментом политической пропаганды, дезавуируя Дизраэли в качестве актора международных отношений.

Образ джингоистов интерпретировался как идущий вразрез с ценностями викторианского общества, порядком жизни «старой доброй Англии». За материалом для размышлений обратимся к карикатуре «Животрепещущий вопрос» (рис. 1), помещенной в ноябрьском номере 1878 г.¹⁹

Рис. 1. «Животрепещущий вопрос». Карикатура журнала “Punch” (9 ноября 1878 г.)

Она представляла кухню «приличного дома», на которой находились хозяйка – сдержанная леди средних лет, две служанки, а через дверной проем был виден последний персонаж – садовник. Главной героиней изображения, несшей смысловой акцент, являлась кухарка почтенного возраста, пребывавшая в крайне возбужденном состоянии. Из содержания рисунка и разъяснявших его слов – диалога между нею и хозяйкой – очевидно, что уровень политизации общества в связи с Восточным вопросом затронул, в том числе, и низшие слои: о нем осведомлена и

кухарка, просторечно коверкавшая язык, но выговорившая, пусть и с трудом: «Восточный кризис». Из представленной в карикатуре ситуации и ее графического воплощения можно заключить, что кухарка в ужасе от того, что садовник Билл оказался «яростным джингоистом», в то время как «все члены ее семьи», к которой, как можно предположить, принадлежали и она, и садовник, «всегда были истинными либералами». Сам же садовник был изображен на рисунке за пределами дома, отвернувшись от прочих персонажей и не занимающимся своим прямым делом – уходом за садом, а праздно смотрящим вдаль. Таким образом, читатель мог сделать вывод, что политические пристрастия и социальное поведение джингоистов уступали уровню малограмотной кухарки, которая тем не менее в состоянии осмыслить происшедшее вполне «правильно» – с позиций традиции и здравого смысла, трактованных как либеральные ценности. Явно был сделан акцент на маргинальности массовой социальной опоры этого движения. Последнее прямо указывалось редко. В номерах “Punch” за 1877–1879 гг. нам удалось обнаружить единственное указание на то, что «джинго по своим вкусам принадлежит нижнему классу»²⁰. Это было сделано в апреле 1878 г., когда образ «джинго», как пропагандистский товар, только еще осваивался политическим рынком. Примем во внимание, что волна массовых джингоистских митингов к ноябрю 1878 г. – времени размещения анализируемой карикатуры – уже осталась в прошлом. Но настроения, ассоциировавшиеся с джингоизмом – поддержка агрессивной политики в Восточном вопросе, антигладстонианизм – стали одной из сторон политической повседневности британского социума. Позиция “Punch” очевидна: джингоизм, как образ мысли, шел вразрез с устоями «старой доброй Англии». И, наконец, обратим внимание на гендерный аспект представленной ситуации. Носителем «здравого смысла» представляла кухарка – женщина, то есть существо, занимавшее в иерархии викторианских ценностей вторичное положение, но которая восприняла поведение садовника Билла как личное несчастье. Критика ею джингоиста-мужчины (и здесь становится, в сущности, не

¹⁸ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 233.

¹⁹ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 214.

²⁰ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 184.

так и важно – за что) может восприниматься как принижение его социального статуса. Таким образом, в предложенной “Punch” ситуации просматривалось еще и нарушение гендерных стереотипов своего времени. Образ садовника-джингоиста легко было трактовать в таком контексте, как асоциального типа, нарушавшего принятую в викторианском обществе модель поведения.

Мысль о том, что джингоист – безнравственный персонаж, попиравший высокие традиции страны и наносивший урон репутации ее жителей, активно тиражировалась “Punch”. Обратимся к номеру журнала за ноябрь 1878 г. Там было размещено стихотворение «Джингоист-англичанин» – “The Jingo-Englishman”²¹. Тексту стихотворения был предпослан подзаголовок «Новая версия старой песни, адаптированной к нравам современных патриотов». Заметим, что это сочинение имело столь существенную смысловую нагрузку, столь очевидно отражало настроения своего времени, что оно включено в современную академическую антологию британской имперской поэзии, охватывающую историю с XVI века до конца XX века, то есть до времени публикации сборника [10, р. 225-226]. Анонимный автор “Punch” вдохновлялся широко популярным стихотворением «Англичанин» (“The Englishman”) английской поэтессы Элизы Кук, написанным в 1845 г. и до настоящего времени считающимся хрестоматийным. Англичанин Э. Кук был представлен как достойный сын величайшей страны в мире, у которой все лучшее – от армии до песен; «флаг которой реет над всеми морями». Сам же англичанин с благородным сердцем льва и железной волей защитит слабого, сам же никогда не станет рабом. На его дружбу и честь можно положиться. Смело «претендуя на любые земли», он считает себя обязанным обеспечить, чтобы «над его владениями никогда не заходило солнце». И пусть у «надменного иностранца меняется лицо», когда он узнает, что он имеет дело с англичанином. И нет пределов его гордости, которую он воплощает в словах «Я – англичанин» [10, р. 170-171].

Стихотворение в “Punch” было выдержано в том же стихотворном размере, с тем же количеством строф, с повтором в конце

²¹ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 215.

каждой из них резюмирующей формулы о достоинствах англичанина, что и у Э. Кук. В нем сохранены некоторые заученные современниками строки, ставшие крылатыми выражениями. У них идентична общая смысловая конструкция: страна – флаг – качества характера – право сильного на владение миром. Но акценты были расставлены иные. Сочинение в “Punch” лишено возвышенного настроения. Оно представляло собой пародию, содержательно и в нелицеприятных выражениях ревизовавшую весь спектр имперских ценностей Британии, поэтизированных Э. Кук. «Джингоист-англичанин» – детище чванливой и хвастливой страны, взвизгивающей на всех «с напыщенной улыбкой», возмнившей себя «первой в мире» – «самой храброй, самой мудрой, самой сильной». Ее флаг «развевается над всеми морями», утверждая «претензии на контроль над ними». Если «глупцы-иностранцы в приливе гордости попробуют проявить дерзость, они немедленно получают отлуп». Англичанин-джинго «выбирает друзей из соображений корысти». Он «воспитан в глубокой вере во власть силы и презренного металла». Его эгоизм возведен в культ. Он «захватывает моря и земли» по всему миру по «праву сильного». Упоение читается на его лице, когда он заявляет: «Ты будешь уничтожен». И нет пределов его чувству превосходства, которое он воплощает в словах «Я – Джингоист-англичанин»²².

Сатирический формат стихотворной пародии “Punch” обрел особый смысл в контексте идеологического противостояния либеральной и консервативной партий по вопросам имперской политики страны, принявшего в 70-х гг. XIX века острые формы [11]. Образ «джинго-англичанина» ассоциировался с образом «нового империалиста» и «нового империализма», составлявшего фундаментальный принцип обновленной консервативной политической платформы. «Джинго-англичанин» противопоставлялся “Punch” по базовым характеристикам идентичности «настоящему англичанину». Таким образом, термин «джинго», неся в контексте стихотворения эмоционально-оценочную нагрузку, превращался “Punch” в политический ярлык с подчеркнuto негативным оттенком и обрел смысл пейоратива: «джингоист – неправильный англичанин», «джингоист –

²² Ibid.

империалист», что тоже «неправильно» с гладстонианской точки зрения. Отсюда напрашивался вывод: “Punch” трактовал джингоизм не только как политическую позицию, но шире – как образ мысли, в данном контексте принципиально осуждавшийся.

Тема джинго-захватчика/джинго-империалиста/джинго-непатриота стала постоянно фигурировать в публикациях “Punch” с конца 1878 г., что заслуживает специального рассмотрения в контексте исследования имперской идеологии, но не входит прямо в задачи настоящего исследования. Поэтому, чтобы завершить рассуждения по данному сюжету, ограничимся в качестве примера ссылкой на заметку в номере “Punch” от 18 октября 1878 г. под названием «Расширительное толкование». Она содержала две строки. «Патриотизм (согласно Джонсону (словарю Джонсона. – *Н. Д.*) – Любовь к своей стране; (согласно Джинго) – Любовь к странам других людей»²³. Констатируем: термин «джинго» и производный от него «джингоизм» постепенно приобрели значение четко обозначенного, агрессивного по своему наполнению маркера в политическом лексиконе Великобритании. Подтверждение тому находим в еще одном стихотворении под названием «Благодаря Джинго» – “Jingo’s Due”. В нем последовательно перечислялись его «заслуги»: его воинственные призывы низвели «боевой клич до уровня шуток», они дискредитировали «напыщенными речами» тех, кто готов был бороться с врагом, они виноваты в пролитии крови и гибели кораблей. Война показала себя во всем своем абсурде. Кто знает, размышлял автор стихотворения, если бы не все это, то и «огонь в Европе», может быть, и не разгорелся бы. И далее подводился итог: «Макдермотт, спасибо, что научил нас этому слову»²⁴.

Особого внимания заслуживает использование в публикациях “Punch” концепта «джинго» как инструмента дискредитации конкретных политиков. В этом смысле арсенал применявшихся методов был разнообразен. Рабочим инструментом пропагандистской риторики “Punch” служили обвинения в пренебрежении к традиционным ценностям,

нарушении норм общественной морали, правил приличий, обвинения в узости мышления, указания на какие-либо недостатки на персональном уровне.

Обратимся к примерам и рассмотрим еще одно построение “Punch”, имевшее общее название «С высокой степенью вероятности» и подзаголовок «По поводу миссии лорда Биконсфильда и Солсбери». Заметка была помещена в журнале ввиду ожидавшегося визита премьер-министра и главы Форин Офис в Берлин, где проходила работа международного конгресса. Обратимся лишь к одной его части – сформулированным журналом ожиданиям «бесноватых джингоистов» от визита первых персон британской политики в Берлин. Итак, по версии “Punch”, Дизраэли и Солсбери появятся «с внушительным военным эскортом, (члены которого. – *Н. Д.*) не будут снимать железных лат на пирушках, явятся на заседания Конгресса с водруженными на их головах шляпах с пестрыми перьями, с духовым оркестром и револьверами, с пением куплета «Мы не хотим воевать», будут рисовать карикатуры на российского императора на промокатальной бумаге и постоянно размахивать над головой председателя (конгресса – *О. Бисмарк. – Н. Д.*) парой британских флагов»²⁵. То есть поведение английской стороны в Берлине – конференции, призванной обеспечить подписание мирного договора, – представлялось в гротескном виде, как утрированно милитаризованное, с выраженными чертами карнавальности, что недопустимо с высоты дипломатического протокола, а также неприлично для обыденных этикетных норм викторианской эпохи. Джингоисты, готовые поддержать Дизраэли и Солсбери, рисовались как персонажи со всем комплексом поведенческих социальных изъянов, действовавшие не «по правилам». Такая характеристика, скорее, принижала репутацию политиков, пребывавших у власти, чем добавляла что-то принципиально новое к репутации их сторонников. Последняя вполне сложилась со времен шумных уличных кампаний начала 1878 г., собственно, и давших основание известному радикалу Дж. Холиоку поименовать их участников джингоистами – «завсегдагатаями скачек, пивных, второразрядных

²³ Punch, or the London Charivari. 1879. Vol. LXXVII. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1879. P. 169.

²⁴ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 239.

²⁵ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXIV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 287.

мюзик-холлов, которые черпают вдохновение в пиве, лидеры которых развязны и политика которых состоит в оскорблении других наций» [12, р. 218]. Но с точки зрения политической комичная характеристика джингоистов в “Punch” несла важную нагрузку. Они являлись существенной частью электоральной базы консерваторов. Поэтому карнавальное представление Дизраэли и его сторонников можно расценить как примитивизацию образа оппонента, попытку конструирования негативного имиджа политиков – своего рода антирекламу. Имело место упрощение и драматизация образа «Джинго» и через него ассоциировавшихся с ним политиков. Заметим в заключение, что объектом сатирической оценки являлось даже еще не произошедшее событие, а лишь ожидавшееся. То есть критика носила упреждающий характер, что открывало дополнительные возможности манипулирования общественным мнением на перспективу.

Примем во внимание еще один пример, показательный как инструмент формирования негативного образа конкретного политика посредством использования негативных коннотаций, где слово «джинго» считывалось как дискредитирующая характеристика. 15 июня 1878 г. в “Punch”²⁶ была опубликована заметка, озаглавленная «Все права защищены» – “All rights reserved”. Она была представлена как информация от имени мистера Панча, «понимающего, что в преддверии визита лорда Биконсфильда в Берлин активно готовится «Разговорник путешествующего государственного деятеля» на трех языках». Далее “Punch” делал свой вклад в выбор незатейливых предложений, которые можно было бы включить в разговорник для использования в диалогах на конгрессе: «Доброе утро, джентльмен. Я англичанин»; в качестве возможного ответа на вопрос о дальнейших способах взаимодействия предлагалась ставшая скандально известной фраза из песенки про Джинго. Таких фраззаготовок было много. Подчеркнем две главные мысли. Во-первых, в них определенным образом были высказаны оценки милитаристской позиции британского премьер-министра. А во-вторых, заметка содержала намек на неприличное, по меркам XIX века для

политика такого ранга, незнание Дизраэли французского языка, для чего и требовался разговорник.

Диапазон использовавшихся для сравнений образов был обширен. Рассмотрим публикацию “Punch” от 25 мая 1878 г., в которой сложная лексическая конструкция с обыгрыванием слова «джинго» обрела оценочный политический характер, неся с собой уничижительную характеристику. Текст, более чем краткий, гласил: «Вся разница: «“Финго” – наши черные защитники. “Джинго” – наши черные стражи» – «“Fingoes” – our black defenders. “Jingoes” – our black guards»²⁷. Финго – южноафриканское племя, вовлеченное в так называемые кафрские войны. Последняя из них, происходившая в 1877–1878 гг., была на слуху. Образ верного и храброго воина-финго, сражавшегося на стороне англичан, был психологически конструктивен. Определение же джингоистов, как «черных стражей» – олицетворения сил тьмы, не только несло с собой осуждение. Оно ставило их в нравственном смысле ниже представителей африканского племени, ибо и те, и другие оценивались по их отношению к «настоящему британцу», в исключительности которого как вершины цивилизации жителю Альбиона вряд ли приходило в голову усомниться. Таким образом, формула «“Финго” – наши черные защитники, “Джинго” – наши черные стражи» несла в себе противопоставление двух ее частей по содержательному и эмоциональному насыщению. Она обрела смысл стигматизации, призванной показать читателям несостоятельность джингоистов в системе координат англоцентричной картины мира [13, с. 183].

Эмоционально окрашенным тактическим приемом сатиры “Punch” можно считать попытки показать оторванность джингоистов от реальности, представить «Джинго» в ряду вымышленных или, более того, сказочных или библейских персонажей. 16 марта 1878 г. было напечатано «патриотическое стихотворение» «Святой Джинго!» – “St. Jingo!”²⁸. Смысл его сводился к тому, что «мюзик-холлы подарили армии нового покровителя, вследствие чего старый боевой клич «Именем Святого Георгия!» сменился призывом «Именем Святого Джинго!». Особенно инте-

²⁶ Punch, or the London Charivari. 1879. Vol. LXXVI. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1879. P. 274.

²⁷ Ibid. P. 229.

²⁸ Ibid. P. 114.

ресен подзаголовок, который предварял стихотворение. В его формулировке была заложена игра слов. Буквально он гласил: «Вместо Святого Георгия» – “Vice St. George superseded”. Но лексема “vice” означает не только приставку «вице». Она имеет еще и значение «порок» не только в смысле недостойной наклонности. «Порок» – шутовской персонаж в пьесах моралите. Уничижительный смысл такой подмены высказан не прямо, а иносказательно. Ситуации с заменой Святого Георгия «Святым Джинго» придавался драматический смысл, который был не только абсурдным с точки зрения освященной временем традиции, но и откровенно фарсовым. находка и в дальнейшем использовалась “Punch”, например, в «Солдатской песне», вновь сочиненные слова которой были опубликованы 2 ноября 1878 г.²⁹ Думается, что этот прием можно отнести к категории агрессивных, влиявших на формирование негативной реакции читательской аудитории из-за «покушения на святое», принижавших нравственный авторитет джингоистов и ассоциировавшихся с ними политиков. В этом же смысле красноречива заметка от 21 июня 1879 г., в которой «мистер Панч сообщал о том, что он получил предложение подготовить публикацию под названием «...жизнь и портреты ста величайших людей в истории». Перечень выбранных персонажей включал Короля Артура, королеву Маб, сэра Джона Фальстафа, дон Кихота, дон Жуана, барона Мюнхгаузена, доктора Фауста, Санчо Пансу, Мефистофеля, Робинзона Крузо, мистера Пятницу, мистера Лемюэля Гулливера, мистера Бамбла, *Святого Джинго* (курсив мой. – Н. Д.), Санта Клауса, Роба Роя, Робина Гуда и пр.³⁰

Подведем итоги.

Рефрен легко узнававшейся «Песни Джинго», начавший свое бытование в лондонском мюзик-холле в мае 1877 г., по прошествии недолгого времени приобрел расширенное, оторванное от изначального контекста значение. Лингвистическая формула припева песни Г. Макдермотта стала основой для формирования идеологических и политических клише, нашедших употребление в

различных смыслах и ситуациях, оставляя простор для использования и произвольного толкования. Жанр, в котором осуществлялась деятельность сатирического журнала “Punch”, предполагал вторичность информации: он не сообщал новости, а реагировал на события, интерпретировал и комментировал их, юмористически отражал политические реалии. Осуществлять это через «джингоистскую» призму оказалось удобным приемом, который открывал многообразные возможности ревизии проблем общественного бытия и вытекавших из этого практических задач политической агитации.

Предпринятая “Punch” интенсивная информационная кампания была ориентирована на решение как ближайших задач – влияния на принципиальные решения по важнейшим вопросам внешней политики Великобритании в Восточном вопросе, пропагандистского обеспечения избирательной кампании, так и на перспективу – выработку концепции обновления имперской доктрины. Джингоисты осуждались как носители милитаристских настроений в британском обществе, как сторонники системы взглядов, в основе которой лежала критикованная со стороны гладстонианцев идея «нового империализма», имевшая в 70-х гг. XIX века смысл идеологической новации стана консерваторов.

Лексему «джинго» в интерпретации “Punch” читательской аудитории журнала, принадлежавшей к высшим и средним слоям британского общества, предлагалось воспринимать как символ пренебрежения к традиции, политическому и социальному этикету, ревизии норм и ценностей викторианской Англии. Либералы, чью позицию поддерживал “Punch”, позиционировались как сторона – носительница и защитница традиции. Консерваторы представлялись как нарушители всего комплекса признанных в обществе норм, пример попражнения священных табу, как виновные в нагнетании атмосферы неупорядоченности, тревоги за судьбу страны и ее предназначение, антагонисты ценностям «настоящего британца» и «настоящего джентльмена». Пропагандистские клише «джинго» и «анти-джинго» выполняли функции средства политической идентификации и самоидентификации, социальной и политической рекламы и антирекламы, слу-

²⁹ Punch, or the London Charivari. 1878. Vol. LXXV. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1878. P. 198.

³⁰ Punch, or the London Charivari. 1879. Vol. LXXVI. L.: At the Office, 85, Fleet Street, 1879. P. 277.

жили инструментом манипуляции общественным мнением.

Проанализированные публикации журнала “Punch” являются примером обращения в свою пользу изданием либерального толка ситуации, изначально спровоцированной политическими оппонентами. Антиджингоистская кампания в “Punch” вписана в контекст и общую логику межпартийного противостояния по широкому спектру вопросов внешней политики, а также системной борьбы за электорат. Кампания строилась «от противного», как критика действий оппонентов-консерваторов. Поэтому тактический арсенал примененных “Punch” приемов был ориентирован на задачи их дискредитации, принижения в глазах общества уровня их политической морали как на личностном уровне, так и в качестве партии.

Джингоист в интерпретации “Punch” воплощался в образе маргинала, склонного к следованию порывов низменных эмоций, а не голосу разума. Компрометирующий смысл, стоявший за понятием «джинго», распространялся также и на членов партии, консерваторов в целом. Если случались исключения из этого, то они особым образом оговаривались. То есть понятие «джинго» использовалось как нарицательное для обозначения политических оппонентов в целом и их политического кредо. Среди примененных тактических приемов подачи критических материалов выделим:

– апелляцию к социально значимым и исторически обусловленным ценностям викторианского общества, а также принятым

моделям социального и политического поведения;

– использование устоявшихся образов и стереотипов, не требовавших смысловой обработки – «готовых к употреблению», как, например, рефрен песни о Джинго;

– подмену смыслов, вкладывавшихся в слово «джинго», придание ему уничижительного смысла, а также значения маркера соответствия или несоответствия социальным стандартам и идеалам;

– навешивание ярлыков оппонентам из числа «партии войны»;

– фиксацию на дискредитирующих моментах личных качеств отдельных политиков, акцент на негативных сторонах в их действиях;

– создание тональностью и образами публикаций эффекта карнавальности, иллюзорности образа мысли и действий политических оппонентов;

– придание публикациям лаконичной и эмоционально окрашенной формы, которая облегчала восприятие читателями доносившейся до них информации;

– использование широкого спектра языковых и графических средств.

Все перечисленное позволяет квалифицировать пропагандистскую кампанию журнала “Punch” 1878–1879 гг., выстроенную вокруг концепта «Джинго» и с его использованием, примером применения политических технологий, ориентированных на формирование общественного мнения в связи с политическими дискуссиями по внешнеполитическим проблемам и влияния на электоральный процесс.

Список литературы

1. Дронова Н.В. Джингоистские митинги 1877–1878 гг.: к оценке политических технологий викторианской Англии // Британия: история, культура, образование: тез. докл. Междунар. науч. конф. Вып. 2. Ярославль: Изд-во ЯрГПУ, 2012. С. 127-129.
2. Жолудов М.В. Джингоизм и русофобия в общественном мнении и политике Великобритании XIX в. // История 2019. Вып. 12 (86). DOI 10.18254/S207987840008177-3. URL: <https://history.jes.su/S207987840008177-3-1> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Cunningham H. Jingoism in 1877–78 // Victorian Studies. 1971. Vol. 14. № 4. P. 429-453.
4. King E. The emergence of “jingo” and “jingoism” as political terms in public debate in Great Britain (1878–1880) // Journal of Historical Pragmatics. 2014. Vol. 15-2. P. 292-313. DOI 10.1075/jhp.15.2.07kin
5. Dave R. Popular Music in England, 1840–1914: a Social History. Manchester: Manchester Univ. Press, 1987. 340 p.
6. Scott D.B. Music and social class in Victorian London // Urban History. 2002. Vol. 29. № 1. P. 60-73. DOI 10.1017/S0963926802001062

7. *Attridge S. Nationalism, Imperialism and Identity in Late Victorian Culture: Civil and Military Worlds.* N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 229 p.
8. *Senelick L. Politics as entertainment: Victorian music-hall songs // Victorian Studies.* 1975. Vol. 19. № 2. P. 149-180.
9. *Laity P. The British Peace Movement 1870–1914.* N. Y.: Oxford University Press, 2001. 270 p.
10. *Faulkner P. The White Man’s Burdens: an Anthology of British Poetry of the Empire / ed. by C. Brooks.* Exeter: University of Exeter Press, 1996. 387 p.
11. *Дронова Н.В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е годы XIX века // Новая и новейшая история: межвуз. сб. Вып. 21.* Саратов: Изд-во СГУ, 2004. С. 151-169.
12. *Holyoake G.J. Sixty Years of an Agitator’s Life.* 3rd ed. Vol. 2. L.: T.F. Unwin, 1893. 336 p.
13. *Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки.* М.: Наука, 1977. 256 с.

References

1. Dronova N.V. Dzhingoistskiye mitingi 1877–1878 gg.: k otsenke politicheskikh tekhnologiy viktorskoy Anglii [Jingo rallies of 1877–1878: Towards an assessment of political technologies in Victorian England]. *Tezisy doklady Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Britaniya: istoriya, kul’tura, obrazovaniye».* Вып. 2 [Proceedings of the International Scientific Conference “Britain: History, Culture, Education”]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2012, pp. 127-129. (In Russian).
2. Zholudov M.V. Dzhingoizm i rusofobiya v obshchestvennom mnenii i politike Velikobritanii XIX v. [Jingoism and russophobia in public opinion and politics of Great Britain in the 19th century]. *Istoriya 2019. Выпуск 12 (86).* [History 2019. Issue 12 (86)]. DOI 10.18254/S207987840008177-3. Available at: <https://history.jes.su/S207987840008177-3-1> (accessed 22.09.2020). (In Russian).
3. Cunningham H. Jingoism in 1877–78. *Victorian Studies*, 1971, vol. 14, no. 4, pp. 429-453.
4. King E. The emergence of “jingo” and “jingoism” as political terms in public debate in Great Britain (1878–1880). *Journal of Historical Pragmatics*, 2014, vol. 15-2, pp. 292-313. DOI 10.1075/jhp.15.2.07kin
5. Dave R. *Popular Music in England, 1840–1914: a Social History.* Manchester, Manchester University Press, 1987, 340 p.
6. Scott D.B. Music and social class in Victorian London. *Urban History*, 2002, vol. 29, no. 1, pp. 60-73. DOI 10.1017/S0963926802001062
7. *Attridge S. Nationalism, Imperialism and Identity in Late Victorian Culture: Civil and Military Worlds.* New York, Palgrave Macmillan Publ., 2003, 229 p.
8. *Senelick L. Politics as entertainment: Victorian music-hall songs. Victorian Studies*, 1975, vol. 19, no. 2, pp. 149-180.
9. *Laity P. The British Peace Movement 1870–1914.* New York, Oxford University Press, 2001, 270 p.
10. *Faulkner P. The White Man’s Burdens: an Anthology of British Poetry of the Empire.* Exeter, University of Exeter Press, 1996, 387 p.
11. Dronova N.V. Traditsii imperskogo myshleniya i novatsii imperskoy propagandy v Velikobritanii v 70-e gody XIX veka [Traditions of imperial thinking and innovations of imperial propaganda in Great Britain in the 70s of the 19th century]. *Novaya i noveyshaya istoriya: Вып. 21* [New and Contemporary History: Issue 21]. Saratov, Saratov State University Publ., 2004, pp. 151-169. (In Russian).
12. *Holyoake G.J. Sixty Years of an Agitator’s Life. Vol. 2.* London, T.F. Unwin Publ., 1893, 336 p.
13. *Erofeyev N.A. Angliyskiy kolonializm v seredine XIX veka. Ocherki* [English Colonialism in the Middle of the 19th Century. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 256 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дронова Наталия Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и политологии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dronova_n@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1342-5190>

Поступила в редакцию 27.11.2020 г.
 Поступила после рецензирования 25.12.2020 г.
 Принята к публикации 29.01.2021 г.

Information about the author

Nataliya V. Dronova, Doctor of History, Professor, Professor of International Relations and Political Science Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: dronova_n@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1342-5190>

Received 27 November 2020
 Reviewed 25 December 2020
 Accepted for press 29 January 2021